

Миска рекса / новелла

Category: Некаýalar, Кітарсу
написано кітарсу | 22 января, 2025
Миска рекса / новелла МИСКА РЕКСА

Сегодня утром Марьям проснулась от доносящегося из дальнего конца двора знакомого кокетливого смеха вдовой соседки. А ей так хотелось еще немного побыть в этом волшебном царстве сна, понежиться в согретой ее обнаженным телом постели. К тому же ей некуда было спешить, она нигде не работала и ничем особенным не занималась. Марьям относилась к категории богатых домохозяек. Ее муж был старше нее лет на пятнадцать, он был из

тех, кто умело воспользовался суматохой последних лет, связанной с распадом государства, вовремя использовал ее в собственных интересах и завладел несметными богатствами, такие, как он, называли себя “новыми туркменскими баями”, народу же они были известны как “разбогатевшие потом”. Словом, он был одним из тех, кто, как в сказке, в мгновение ока стал богачом.

На самом деле все поздние туркменские богачи действовали по одному сценарию, ведь у них не было опыта предков, поэтому они, ведя одинаковый образ жизни, набирались опыта друг у друга.

Первым делом обзаведясь парком престижных иномарок, они сразу же приступали к строительству элитных особняков в разных концах города. И вот еще в чем “новые туркмены” повторяли друг друга: имея жен, они с большим удовольствием заводили себе молоденьких любовниц, обращали на себя всеобщее внимание и даже кичились этим.

Марьям была как раз из тех, кто в мечтах о роскошной жизни становился любовницей состоятельного, хотя и женатого мужчины. Вот уже три года она в свое удовольствие жила в доме, купленном ей ее мужчиной. И сейчас в другом конце двора был почти готов строящийся специально для Марьям шикарный двухэтажный особняк.

Года два-три назад, покупая этот дом и оформляя купчую на имя Марьям, “новый туркменский бай”, показывая своей возлюбленной на аккуратный одноэтажный домик со всеми удобствами, пообещал: “Ты пока поживи в этом доме и потерпи немного, я потом выстрою для тебя двухэтажный дворец!”

И после, когда они с Марьям, как молодожены, проводили свой “медовый месяц” на берегах Италии, он еще пару раз напоминал о своем обещании.

Если он не был в командировке, “разбогатевший потом” три ночи в неделю посвящал своей любовнице, но и в другие дни, как только у него появлялась свободная минутка, заезжал сюда, чтобы проведать свою милую, крутился возле нее.

Марьям не понравился прозвучавший в неурочное время громкий смех соседки. Потягиваясь и протягивая руку к лежащему в ногах просторной кровати шелковому халату, ласкающему голое тело женщины, недовольно выругалась про себя: “Чему эта шлюха с утра пораньше радуется?!”

День уже давно был в полном разгаре, раскрасневшийся с самого

утра, как только что испеченная лепешка, шар солнца торопливо карабкался в небо, словно совершая восхождение на гору. Ничего этого не видела Марьям, укрытая в полумраке комнаты с плотно зашторенными окнами.

Сощуриив глаза, зевая и потягиваясь, Марьям подошла к окну, где глазам ее предстала следующая картина: соседка, прислонившись к разделяющему участки деревянному штакетнику высотой с человеческий рост, покачивая роскошными крутыми бедрами, словно кого-то дразня ими, стояла возле их строящегося двухэтажного особняка и весело болтала с худошавым наемным работником, которого муж со словами “плотницкие работы будет выполнять он, люди хвалят его как хорошего мастера” привел примерно с неделю – дней десять назад. Говорила главным образом соседка, время от времени прерывая разговор громким смехом, парень же, не отрываясь рот работы, замерял и отрезал доски и лишь иногда, подняв голову, для приличия поддакивал ей и улыбался.

Соседке было далеко за сорок, однако была она красива и статью вышла. Это была женщина, которая умела привлекать внимание мужчин, глядя на нее, они с восхищением думали: “А кобылка-то еще ничего!”

Марьям завидовала умению той одеваться, на ней всегда были наряды европейского кроя, но с национальным колоритом. Она и сама, как все молодые и влюбленные женщины, любила одеваться, каждый раз, надевая на себя что-то новое, она видела в зеркале, как идет ей новый наряд, который делает ее еще красивее, и верила, что после этого муж будет любить и желать ее еще сильнее. Она и сама не замечала, как временами начинала подражать соседке, перенимая ее стиль одежды и тем самым вступая в тайное соперничество с ней. До сих пор их соседство не распространялось дальше обычных приветствий. Муж советовал ей не особенно сближаться с вдовой, не водить с ней дружбы, не ссориться по пустякам и держаться от нее на расстоянии. Напоминая ей, что это не просто женщина, а женщина-журналист, которую он время от времени видит по телевизору на высоких правительственных совещаниях, он наказывал: “Не очень-то открывай ей душу, пусть она не знает твоих тайн, держись от нее подальше”. Говорил, что от таких женщин чего угодно можно ждать, сказал, что он и сам немного опасается этой женщины.

До сих пор Марьям не обращала никакого внимания на парня, хотя тот уже несколько дней жил и работал у нее во дворе. Она

считала себя принцессой, “госпожой такой-то”, поэтому парень для нее был всего лишь наемным работником, то есть обычным батраком. И вообще, как только муж привел его с собой, он сразу же не понравился Марьям. Вслух она никак не выразила своего отношения к нему, но в душе отругала мужа: “От этого неряхи вряд ли дождешься работы”, потому что считала, что и без того строительство дома идет медленно.

Она еще больше укрепилась в своем мнении после рассказа мужа об этом мастере: “Этот бедолага был офицером, окончил в России военное училище. Лет шесть-семь все у него было хорошо, он даже командиром побывал. А потом его как непригодного к воинской службе комиссовали. Говорят, беда не приходит одна, жена этого несчастного с двумя детьми уехала к себе на родину в Россию. С тех пор он и занимается наемным трудом, и живет там, где работает...” После рассказа мужа и глядя на худобу мастера, Марьям сразу же сделала вывод: “Если он болен, значит, у него туберкулез, его же видно, небось, по этой причине и жена от него сбежала, как пить дать, у него самая настоящая чахотка... болезнь заразная, так что надо быть от него подальше, береженого Бог бережет...” Ничего не зная в точности, она тем не менее напомнила своей домработнице, что у больных туберкулезом должна быть отдельная посуда, и наказала ей не пускать его в дом, а носить еду в специально отведенной посуде туда, где он работает. Эту миску, похожую на собачью посуду, Марьям купила недавно на рынке, чтобы кормить из нее немецкую овчарку Рекса, охранявшего дом. Она была еще новой, Рекс всего несколько дней питался из нее. Рабочий, будто бы ни на что не обращавший внимания, словно читая мысли хозяйки дома о себе, вообще не замечал ее. Он даже близко не подходил к Марьям, разве что иногда приходил к крану возле старого дома, чтобы умыться. Он постоянно что-то замерял, резал и строгал, прибивал гвоздями, словом, с головой ушел в свою работу.

Когда Марьям, медленно прогуливаясь по асфальтовой дорожке, проложенной из конца в конец засаженного розами двора, приблизилась к строящемуся дому, женщина, беседовавшая с рабочим, уже собиралась уходить. Но увидев подходившую соседку, еще немного задержалась, чтобы поздороваться с той. Как обычно, соседки улыбнулись друг другу и кивнули головами, коротко поздоровались. После чего вдова не преминула заметить: “Не сглазить, соседка, твой новый дом на глазах преображается, хорошеет”, - и с завистью посмотрела на уже почти готовое

строение.

– Да, только уж слишком затянулось его строительство, - выразила недовольство Марьям.

– Да нет, чего ж там долго. Разве не в середине прошлого года вы начали строить его? Стены подняли быстро. Просто на отделочные работы уходит немало времени, - соседка, поначалу возражавшая Марьям, потом вынуждена была согласиться с ней. Марьям опять с недовольным видом протянула: “Ай, теперь мы будем рады хотя бы до зимы переселиться в него”. Мастер, занятый своим делом, что-то уронил и искал среди обрезков досок, услышав последние слова Марьям, впервые оторвался от своего занятия. Было ясно, что упрек хозяйки дома он отнес на свой счет, и теперь должен был ответить на него. Когда он посмотрел на Марьям, их взгляды встретились впервые. В этот миг Марьям показалось, что кто-то слегка толкнул ее в грудь, по всему телу словно разряд электрического тока прошел. Совершенно неожиданно она почувствовала, как у нее пересохли губы, она растерялась и тотчас отвела свой взгляд от глаз мастера. Потому что, как только их взгляды встретились, с присущей ей женской интуицией Марьям поняла, что перед ней стоит не просто обыкновенный рабочий, а человек, перед которым, при желании, невозможно устоять. Сейчас он был похож на тигра, сама же она напоминала повстречавшуюся на его пути дикую козочку, и тигр посмотрел на нее с вожделением: “Ах ты, козочка, вот я тебя...” - было написано в его взгляде, она это сразу поняла.

А когда мастер вслух сказал: “Гелин, вы не очень-то подгоняйте меня, всему свое время, да и работа идет неплохо, так что ее окончание не за горами...”, его слова прозвучали для нее приятнее ожидаемого. После этого стало понятно, что в душе парня также произошел какой-то непонятный переполох.

Вдовствующая соседка, объясняя причины своего появления здесь, сообщила Марьям, что после окончания работ хочет пригласить мастера к себе, ведь в доме, где нет мужчины, всегда есть что поправить.

После этого Марьям еще немного походила по двору, поглазела по сторонам, а когда вернулась в дом, почувствовала, что ее тело по-прежнему охвачено дрожью, неожиданно возникшей от взгляда мастера, и сама она находится в состоянии непонятного возбуждения.

Она вспомнила, что точно такие же ощущения испытывала в

школьные годы, когда в укромном месте тайком целовалась со своим одноклассником Гарягды.

Войдя в дом, Марьям резко открыла холодильник, достала оттуда одну из запотевших бутылок и, не имея терпения налить воду в посуду, выпила ее залпом прямо из горлышка бутылки.

* * *

Сегодня снова был тот желанный день, которого Марьям всегда ждала с нетерпением. Она принадлежала к тем женщинам, которые знали цену мужской любви, ее душа постоянно жаждала ее.

И если на то пошло, она была женственна и хороша собой, мужчинам в ней нравилось все – и ее горделивая осанка, и ладная фигурка, женщина была уверена, что красотой своею покорила мужа, гордилась этим и жизнью своей была довольна. И потом, Марьям давно стремилась к роскоши, в которой теперь жила, своего нынешнего положения она добилась, с легкостью переступив через женское самолюбие, вставшее на пути к достижению цели, меньше всего ее волновало и то, что она была попросту наложницей женатого мужчины. А то кем она была прежде? Разве не была она одной из тысяч таких же женщин, влачащих жалкое существование от зарплаты до зарплаты? Но уж если человеку повезет, так повезет! Семь-восемь месяцев Марьям проработала переводчицей в офисе “нового туркмена”, и не успела стать незаменимым специалистом, как превратилась сначала в женщину, которую хозяин пожелал постоянно видеть перед своими глазами, а потом и вовсе в его вторую жену. Вышло как в сказке: прилетела белая птица и прямо в клюве своем перенесла ее в этот сказочный замок...

В такие дни она всегда просыпалась намного раньше обычного. Помнила, что сегодня ее должен навестить муж, а это всегда доставляло ей удовольствие. Как и обычно, сегодня она встала с постели, потягиваясь и сладко зевая, и по привычке подошла к окну. Прихватив одной рукой плотную, как кожура арбуза, спадающую до самого пола алую штору, она отодвинула ее немного и стала наблюдать за тем, что происходит во дворе.

Кругом царил тишина. Не было видно ни мастера, о котором Марьям подумала “наверно, уже бродит по двору”, ни соседки, которая обычно с утра пораньше копошится возле деревянного забора, гремя посудой, вечно подстегивая себя и носясь от стоящего там курятника к дому и обратно.

Наблюдая за окружающим миром, Марьям по привычке погладила одну из грудей, выглядывающих из распахнутого халата, получила

от этого удовольствие, и окончательно проснулась. Она потягивалась, готовясь выйти во двор и заняться утренней гимнастикой. Натягивая на себя облегающий спортивный костюм, подчеркивающий все выпуклости ее фигуры, впервые задумалась о том, что рабочий и соседка могут увидеть ее в такой форме и удивиться, словно она никогда прежде не надевала ее. Почему-то теперь ей не хотелось показываться на глаза рабочему в прежнем виде. Но она тут же подумала о том, что женой рабочего была русская женщина, так что полураздетая женщина вряд ли может его удивить, эта мысль развеяла все мучавшие ее сомнения и вернула Марьям прежнюю уверенность.

Увидев выходящую из дома хозяйку, Рекс подбежал к ней и, виляя хвостом, всем видом своим выказывал радость, он лизал ей руки, путался у нее в ногах. Мастера нигде не было видно, но из глубины дома доносились стуки его молотка и топора. Слава Богу, сейчас и соседки нигде не видать. Марьям была не против отсутствия соседки, тем не менее по привычке подумала о ней неприязненно: “Неужели эта плоскостопая до сих пор дрыхнет?..” и представила смешную картинку: женщина лежит, задрав ноги к небу, напоминая синицу, которая поднимает ноги для того, чтобы “подпереть небо, если оно будет падать”.

Выполнив во дворе несколько привычных упражнений для разминки тела, Марьям еще немного побегала вместе с Рексом по дорожкам, она была благодарна собаке за то, что та своей беготней поддерживала и подбадривала ее.

Сегодняшний день, когда ее должен был навестить “новый туркменский бай”, для Марьям имел особенное значение, в такие дни она была бодра и вдохновенна и как-то по-особому чувствовала себя. Ей хотелось быть нарядной, хорошо выглядеть, встретить свою вторую половину со всеми почестями и всячески угождать ему. В честь его прихода она каждый раз накрывала стол на двоих и называла это застолье “маленьким праздником”. Как и всем любвеобильным молодым женщинам, ей хотелось в этот день быть нежной и заботливой, выглядеть красивой. Дни встречи со своим возлюбленным она считала самыми счастливыми для себя, ведь ее ждала полная сладостных минут бурная ночь, когда два любящих и устремленных друг к другу тела сливаются воедино и в едином порыве, издавая шлепающие звуки, дружно разминают белую глину любви.

В такие дни Марьям сама готовила угощение для своего “маленького праздника”, во-первых, так время бежит быстрее, а

еще потому, что собственноручно приготовленная еда всегда кажется особенно вкусной.

Она и сегодня не изменила своим правилам. Первым делом сразу же после полудня отпустила домработницу: “Дайза, сегодня ты можешь сходить проведать своих внуков!” Оставшись одна, она натянула на себя передник и приступила к приготовлению праздничного угощения. Через некоторое время кухня наполнилась ароматами запекаемой в духовке курицы, натертой всевозможными специями. Затем на столе появилось плоское блюдо с фруктами – яблоками и гранатами, апельсинами и бананами, вазочки со всевозможными салатами одна за другой занимали почетные места на столе.

Когда Марьям закончила приготовление торжественного ужина, готова была и курица, ее аппетитный запах, смешанный с ароматами всевозможной зелени и салатов, заполнил всю комнату. Затем Марьям прошла в ванную комнату. Не спеша разделась, отбросила одежду в сторону. Для Марьям это место было одним из самых любимых в доме. Каждый раз за три-четыре часа до того, как попасть в объятия любимого мужчины, она любила принять ванну. Лежа в пене и с наслаждением растирая тело, она чувствовала, как под ее руками кожа становится гладкой и эластичной, бархатистой, мужчинам нравится такая кожа. Прямо напротив ванны на стене висит большое зеркало. Так вот, отраженная в этом зеркале ванна была сейчас белой яхтой, а высунувшая голову из белой пены разомлевшая Марьям походила на спящую хозяйку бегущего по волнам судна. В такие минуты мечтательные женщины в ожидании своих мужчин всегда переживают особые, приятные чувства. Вот и Марьям сейчас находится точно в таком же состоянии. Ведь она была женщиной, поставившей перед собой цель стать счастливой, а чтобы стать ею, надо выполнить ряд условий. Счастье не предназначено для одного человека, счастливым можно быть только в паре, причем, это должна быть пара из мужчины и женщины.

Выйдя из ванны, Марьям стряхнула с себя воду и подошла к зеркалу, постояла немного перед ним, любуясь своим упругим телом. Она видела, что тело ее было беломраморным, зовущим, она гордилась своими небольшими упругими грудями с темными сосками, напоминающими рожки драчливых козочек. Глядя свои груди, Марьям представляла, как она прикладывает к ним своего беленького младенца, о котором мечтала вот уже несколько лет и которого постоянно видела в своих снах. Помня, с каким

удовольствием сосут детишки материнскую грудь, она думала о том, что и ее собственный малыш, когда он родится, будет с наслаждением сосать ее грудь. Погруженная в эти мысли, она на какое-то время забыла обо всем на свете.

Стоя перед зеркалом, Марьям расчесала волосы, заплела их в косу и закрепила ее на затылке, затем, не отходя от зеркала, протянула длинную белую руку и достала с полочки флакон с хорошо пахнущими духами. Капнув на палец, она помазала духами вначале за ушами, затем нанесла их на щеки и шею, хотя и помнила, что ее муж не очень-то любит запах духов и каждый раз говорит ей: “Если хочешь понравиться мне, не пользуйся никакой химией!” Но она оставалась женщиной, поэтому каждый раз непроизвольно тянулась за духами.

Вернувшись в комнату, Марьям, надевая новое платье с украшенным вышивкой высоким разрезом на боку, из которого при каждом ее шаге выглядывало белое бедро, снова вспомнила про соседку. Потому что такое платье впервые она увидела на соседке и тогда же захотела занять похожее. Марьям встретила ее вчера возле своего нового дома, возвращаясь поздно вечером из города, в руках у той была миска с едой. Соседка сказала тогда со смущенной улыбкой на лице: “Да вот, приготовила вкусенького и решила угостить вашего рабочего”. Марьям, не зная, как реагировать на слова соседки, улыбнулась и кивком головы ответила на ее приветствие, а затем молча прошла мимо нее к себе, но придя домой, выругалась: “Сучка, почуяла запах кобеля!” Именно тогда она поняла, почему обед, налитый в миску Рекса, иногда возвращался от рабочего нетронутым. Так ведь его со стороны подкармливают! Марьям вспомнила, как впервые увидела соседку, которая терлась о деревянный звор, и на этот раз сравнила ее с вороватой козой, которая, вытянув шею, пытается достать и съесть траву с чужого участка. Обиженно подумав “Может, эта шлюха опять что-нибудь придумала, чтобы и сегодня придти сюда”, она подошла к окну и легонько отодвинула штору. Марьям увидела мастера, со связкой досок под мышками поднимавшегося по ступеням в дом.

Сегодня, как и обычно, в предвкушении удовольствий Марьям хорошо подготовилась ко встрече с любимым мужчиной. Стемнело. Совсем скоро у ворот дома остановится роскошный автомобиль ее принца – “нового туркменского бая”. Марьям была готова в любую минуту встретить его у порога и броситься ему на шею. Но почему-то сегодня “новый туркмен” все не приезжал. Сумерки

сгустились, и вот уже наступила ночь. Марьям подошла к окну и выглянула во двор. Там она никого, кроме Рекса, не увидела. Собака, что-то вынюхивая, бродила по двору, потом вдруг подбежала к новому дому, остановилась у крыльца и стала смотреть на дверь с таким видом, словно хотела просить работника вернуть ему его миску, постояв немного, побежала обратно.

В момент, когда зазвонил телефон, Марьям думала о том, что ее муж уже подъезжает к дому и что очень скоро светом фар автомобиля он отодвинет тьму и торжественно въедет во двор.

Марьям вздрогнула от неожиданности и схватила трубку стоящего рядом с ней телефона. Оттуда донесся знакомый хрипловатый голос:

– Сидишь?

– А что мне еще остается делать?- в голосе Марьям вместе с тревогой прозвучал и упрек.

– Сиди. Мы тут пока работаем над контрактом, который должны подписать с иностранцами, придется еще немного задержаться, ты не жди меня, поужинай, я приеду сразу же, как только освобожусь...

В такие минуты Марьям просто ненавидела телефонные звонки, потому что, если телефон звонил в неурочное время, он чаще всего приносил ей малоприятные вести: “Сегодня приехать не смогу...”, “В том доме появилась небольшая проблема, придется мне поехать туда...”

Марьям изменилась в лице, у нее испортилось настроение. После этого, хоть она и сильно проголодалась, есть особо не стала, пощипала того-другого, а потом, чтобы как-то убить время, включила телевизор.

Когда телефон зазвонил вторично, была уже глубокая ночь. Марьям, устав от ожидания, задремала прямо у телевизора.

На этот раз разговор был еще короче.

– Марьям!

– Да!

– Я не смогу приехать. Ты не жди больше, ложись спать. Завтра я в течение дня навещу тебя... Не забудьте покормить Рекса!

Марьям была похожа на разъяренную тигрицу. Она со злостью отшвырнула от себя телефонную трубку, словно та была повинна в случившемся. От обиды у нее задрожали губы, к горлу подступил ком, из глаз брызнули слезы. Ведь она всем сердцем ждала и так жаждала устроенного ею “маленького праздника”! Как он мог так

поступить с ней? Вконец расстроенная, женщина металась по комнате, не находя себе места, она понимала, что “музыка любви” никогда не звучит соло, ее можно исполнять только дуэтом...

Новое платье с разрезом, которым она так любовалась несколько часов назад, представляя, как будет очарован ее возлюбленный, теперь раздражало ее, сдернув его с себя, она скомкала его и со злостью отшвырнула в дальний угол комнаты.

Но и на этом не успокоилась. Напротив, спустя какое-то время в голове ее родились совсем другие мысли, которые тут же завладели ею. Она чувствовала, как пылают ее щеки, как душа ее жаждет любви, с ней творилось что-то невероятное, казалось, если она сейчас перевернет стол со всеми его яствами, ей станет легче. Но она сдержалась, только устало бросила себя в постель. Уткнувшись лицом в подушку, Марьям тихонько заплакала.

Отчаянно залаял Рекс, и в душе Марьям опять затеплилась надежда, она оторвала голову от подушки, прислушалась.

“...А может, он закончил работу и поехал сюда, соскучился по мне...”, - ей хотелось улышать звук подъехавшей машины. Лай собаки, прозвучавший у самого порога, стал отдаляться, а потом и вовсе донесся с соседнего участка. Марьям поняла, что он снова гоняется за соседкой кошкой, которая время от времени имеет привычку забредать в их двор и подбирать остатки чужой трапезы. Выходка Рекса снова напомнила ей о вдовствующей соседке, которая что ни день под каким-либо предлогом навещала рабочего. Вспомнив о ней, Марьям недовольно поморщила нос, словно вдохнула горький запах дыма. И тут же вспомнила обжигающий взгляд парня, который так и застыл в его глазах. На этот раз рабочий смотрел на нее более пристально, с вождением. Марьям даже видела, как вспыхнул его взгляд при виде хозяйки дома...

Когда Марьям, поддавшись сиюминутному желанию и забыв обо всем на свете, держа в одной руке блюдо с запеченной курицей, а другой взявшись за горлышко бутылки с холодным шампанским, пошла к храпевшему на одном из этажей нового дома мастеру, время было далеко полночь...

* * *

Отправившись в Россию, мастер провел там несколько месяцев в кругу семьи и в начале осени вернулся, чтобы продолжить свою прежнюю работу наемного плотника. Перед отъездом он поработал

в доме вдовы и там же оставил на хранение свои рабочие инструменты. Сейчас он как раз пришел к ней, чтобы забрать свое имущество. Когда он появился, “новый туркмен” только что переехал в новый дом и как раз праздновал рождение сына. Было много гостей, но еще больше угощения...

Парень вошел во двор, чтобы поздравить хозяина с праздником, и первое, что ему бросилось в глаза, была миска, из которой он столько времени питался. Сейчас она стояла перед Рексом.

Миска была до краев наполнена помоями. Некаýalar